

М.А.Комова, С.В.Фандеева, К.А.Чичеров

## ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О СЯТЫНЯХ ГОРОДА ОРЛА XVIII—XIX ВВ.: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ТРАДИЦИОННЫЕ СЮЖЕТНЫЕ ТОПОСЫ

Материалом исследования являются региональные литературно-краеведческие произведения, которые были опубликованы в городе Орле в XVIII—XIX веках. Актуальность исследования определяется возросшим интересом к истории православия и явлению духовной литературной традиции в целом. Исследования, основанные на литературном материале региональных сочинений XIX века в Центральном регионе России о местночтимых святынях, позволяют определить модели их происхождения и функционирования, дают возможность расширить представление об областном литературном тексте и духовном контексте, а также определить особенности литературного процесса в конце XVIII—XIX веков. В данной статье рассматриваются устойчивые мотивы сказаний о святынях (поклонных крестах, иконах). Выделяются основные мотивы: «живой иконы», воды, исцеления, которые имеют как региональное, так и общерусское бытование.

**Ключевые слова:** городские легенды об иконах, устная традиция, мотив, икона

Значительное количество краеведческих сочинений Нового времени, посвященных описанию почитаемых христианами местных реликвий, говорит об огромном значении культа христианских святынь как части восточнохристианского культурного наследия в дореволюционной России и непрерывающейся актуализации темы реликвий в современной российской культуре. Отметим, что мотив чуда от святыни является типичным для городских сказаний и легенд, устных рассказов и повествований Нового времени, которые прошли литературную обработку.

В литературоведении термин «городская легенда» (в переводе на американский английский — urban legend; на британский английский — urban myth) используется для определения жанра современных разновидностей легендарного рассказа. Это краткая история, отличающаяся псевдоправдоподобностью, которая опирается на современную техническую и общественную реальность. Городские мифы могут быть разного содержания: исторического, мистического и религиозного. В наше время темой городских легенд могут быть похищения людей, работа спецслужб, инопланетный и масонский заговор, воздействие индустрии, страх перед властью. В период Нового времени в городах была своя «современность», складывались свои мифы. Одной из разновидностей старинных городских легенд религиозного и мистического содержания были предания о явлении чудотворных икон. Одним из характерных примеров литературного творчества являются орловские городские легенды, которые были литературно обработаны и опубликованы в городе Орле краеведами рубежа XIX—XX веков. Выделение отдельной жанровой разновидности городской легенды о явлении икон оправдано тем, что город как локус отличен от сельского поселения или дворянской усадьбы бытованием определенных представлений, отражающихся в устных легендах, рассказах, сказаниях и литературно обработанных записях. Изучаемые тексты имеют религиозное содержание и возникают в околоцерковной среде. Для города может быть характер иной комплекс мотивов, чем для села. Выбор мотивов изменяется зависимости от локуса.

В данной статье мы рассмотрим группу легендарных сказаний о явлении местночтимых икон в городе Орле, зафиксированных в местных историко-краеведческих сочинениях, выявив в них связь, как с историческими реалиями, так и с традиционными топосами, характерными для общерусской литературной традиции. К этой группе текстов можно отнести историко-краеведческие повести об иконе Троицы, об орловских списках икон Богоматери Балыкинской и Тихвинской, о монастырской иконе Успения Богоматери, иконах Богоматери Иерусалимской, «Утоли моя печали» и Владимирской из орловской Преображенской церкви, иконах Богоматери «Всех скорбящих радость» и «Троеручицы» («древней копией» греческой святыни, «хранимой в Богоявленском храме, [которая] с особенным благоговением и верою почитается благочестивым жителями Богоспасаемого града Орла» [1]), также ряде других «особочтимых» святынь, о которых остались лишь краткие воспоминания, которым служатся молебны с акафистами, которые прихожане украшают привесами, камнями и окладами [2].

Город Орел основан в 1566 г. во время правления царя Иоанна IV Грозного (1547—1583) в числе крепостей, поставленных «в поле», южнее Тульской засечной черты, оборонявших столицу от нашествия крымских татар. Одним из первых городских устных рассказов была легенда об основании города на слиянии двух рек Оки и Орлика, когда строители стали рубить дуб, с которого слетел орел, признанный присутствующими «за хозяина», давшего название городу [3]. В Новое время Орел становится центром Орловской провинции (1719) Киевской губернии, а с 1778 г. — центром губернии и наместничества. В документе 1787 г. «Историко-географическое описание Орловского наместничества» отмечается: «Город Орел лежит на большой дороге от Москвы в Киев... Мошей никаких в нем не опочивает и чудотворных икон нет, а есть два монастыря — мужеской и женской...» [4]. Отсутствие сведений о чудотворных иконах в историческом документе, составленном столичным чиновником, говорит о том, что в данный документ не были включены

устные источники, складывающиеся в народной среде в связи с местным почитанием святынь, не всегда отмечавшимся в епархиальной хронике. Только в XIX в. эта группа устных рассказов была опубликована местными краеведами.

Примером того, как возникает городская легенда мы можем представить, познакомившись с описанием «городского происшествия» конца XVIII в., записанного в 1868 г.: «1794 г., ночью неизвестно кем поставлена на Кромской площади, близ питейного дома, часовня и из тесин, в столбы забранная, в которой найдены и взяты в полицию: привешенный на стене на пенечной веревке, новый медный литый небольшой осьмиконечный крест с изображением Распятия Христова и две бумаги внизу того креста, воском приклеенные, на коих скорописью, дурным почерком, написано: что крест не освещен; чтоб его освятил и во оной часовне отслужил священник молебен... А поелику это событие подало невеждам случай мыслить, якобы они нерукотворенные: то градская полиция нашла необходимым оную часовню тотчас же сломать, и о том, кто ее и с каким намерением поставил, произвести расследование», после чего был найден и наказан плетью на месте разрушенной часовни крестьянин помещика Похвистнева Макар Жонилов [5]. Из реального факта возникла устная городская легенда об орловской нерукотворной часовне и кресте, затем получившая литературное оформление.

Согласимся с филологом М.В.Антоновой, что типическими и устойчивыми для сказаний о святынях являются следующие мотивы, связанные с явлением чудотворной иконы: мотив «живой иконы», мотив движения и чудесной остановки в пути, мотив водной стихии (на берегу реки, озера, около источника, колодца), мотив древа, горы, столпа (возвышение), мотив исцеления, мотив передачи святыни (дарения) [6]. Но в городских преданиях г. Орла мы находим не все мотивы из перечисленных.

**Мотив «живой иконы»**, которая самостоятельно прибывает на место, где позднее основывается храм или часовня. Наиболее ярко этот мотив проявился в предании Орловского Введенского девичьего монастыря о явлении иконы Богоматери Тихвинской и связанный с ним сюжетный эпизод переноса иконы по воздуху: «В Орловском Введенском монастыре сохраняется предание, что в 1812 году, во время одного ночного молебного пения, некоторые из монахинь видели в своем храме Божию Матерь (Тихвинскую) на воздухе, молитвенным ликом обращенную к Москве, на которую тогда устремились французы, с тех пор Тихвинская икона Божией Матери почитается в монастыре за чудотворную» [7]. Видение сестер навеяно древним сказанием о путешествии оригинала чудотворной иконы Богоматери Тихвинской, которая неоднократно переносилась из одного селения в другое, «светозарно шествуя по воздуху», «ангелами невидимо носима». Сама Богоматерь явилась самолично праведникам, пока ее икона не обрела место на Тихвинке. Мотив движения по воздуху встречается в сказании о Тихвинской иконе. Но мотив обращения иконы Богоматери ликом к терпящему бедствие граду характерен для другого сказания. В XIV—XV вв. сложился цикл текстов о чтимой новгородской иконе Знамение Богоматери, сказание о которой также получило общерусскую известность с позднего средневековья [8]. Именно там встречается мотив поворота иконы от удара стрелы и обращение ликом к осажденному городу. Орловская легенда о чтимом монастырском Тихвинском образе, имея историческую основу для текстопорождения, ориентируется на общерусские тексты, хорошо известные в церковной среде.

**Мотив указания особенной иконы (во сне прихожанину и молнией).** В рассказе для «назидательного чтения» «Об иконе Пресвятой Троицы, находящейся ныне в Преображенской церкви г. Орла» содержит мотив чуда от иконы, указание на которую было дано во сне. Эта икона «древнего письма», происходящая из старого иконостаса одного из московских храмов, выкупленная вместе с другими иконами для одного орловского прихода жертвователем. Икона первоначально находилась в главном алтаре Преображенского храма под деревянным резным балдахином, когда произошло первое событие, отметившее ее: «однажды молния ударила в алтарь и попала в колонну балдахина над иконой Колонну перенесли после повреждения на колокольню, потом колонна сгорела в 1848 г. В 1818 г. (?) икона была при переустройстве алтаря перенесена в часовню, где она находилась до 1831 г.». Далее икона Троицы была отмечена дорогими подношениями прихожан проявила себя в 1831 г., когда в городе свирепствовала эпидемия холеры. Прихожанин храма некто Анохин видит сон: «Является человек, призывающий вынести находящуюся в забвении икону из часовни, молиться и носить вокруг города, петь молебны, святить воду и будет избавление. Во сне Анохин слышит голоса ангелов: «Слава в вышних Богу...» и необыкновенный шум». Прихожанин рассказывает о сне, икону находят, но епископ Никодим, не доверяя рассказу, пересылает отчет в Консисторию, откуда вскоре приходит ответ, что икону Троицы следует почитать. Епископ спрятал консисторский указ, но в 1835 г. приходит новое указание поставить икону в храме [1]. Мотив неверия и мотив видения во сне известен по «Повести о чудотворной Казанской иконе» [8].

**Мотив передачи святыни (дарения).** Данные мотивы встречаются в орловских легендарных рассказах об основании городских монастырей, основанных в начале XVIII в. Характерным примером данного мотива является сюжетный эпизод о перемещении иконы Успения Богоматери из старинного Орловского Богоявленского мужского монастыря с территории старой крепости в новый Успенский мужской монастырь. Эта икона получила особое почитание в Орле в XIX в. Согласно устному рассказу, икона после крупного пожара была передана в возрождаемый на новом месте Успенский мужской монастырь на Ввозной горе в 1676 г. старцами Богоявленского монастыря Антонием и Феодосием (1655 г. — до 1670 г.). Вероятно, сложение легенды об орловском образе Успения было связано с усилением почитания известной киевской иконы Успения Богоматери на рубеже XVII—XVIII вв. из Киево-Печерской Лавры. Отметим, что в петровское время

многие монастыря края были подведомственны этому монастырю, а орловская провинция входила в состав большой Киевской губернии. Поэтому ряд икон являлись списками киевских святынь [9]. Согласно повествованию, орловская икона находилась под покровительством своих игуменов, соименных первым игумену Успенского Киево-Печерского монастыря. В краеведческом источнике отмечено: «Достопримечательности архиерейского дома следующие. Икона Успения Божией матери, писания древнего византийского составляет важнейшую святыню Успенского монастыря, весьма почитаемую орловскими гражданами и окрестными жителями города Орла. В Успенский пост перед нею ежедневно совершается от лет давних акафистное служение, а по средам с участием самого епископа. Под день Успения Божией Матери стекалась в Успенский монастырь масса богомольцев на поклонение, и это совершается ежегодно со времени устройства Успенского монастыря... в 1893 г. игуменом бывшего Орловского Богоявленского монастыря о. Евфимием, который по окончании постройки храма возведен был в сан архимандрита». ...По преданию, эта икона чудотворная была принесена бывшим игуменом Евфимием из Богоявленского монастыря при торжественном крестном ходе в день заложения Успенского храма и обители святой, в дар и благословение... от старцев Богоявленского монастыря Феодосия и прозорливого схимонаха Антония с братией. Икона сия находится в Успенской церкви за правым клиросом; она без ризы, мерою 2 аршина 7 ½ вершков длины [высота около 175 см: М.Комова] и 1 аршин 14 ½ ширины [ширина около 137 см: М.Комова]. На самом изображении Богородицы риза унизана бусом и разными камешками, на главе венец серебряной вызолоченный с сиянием. На Спасителе такой же серебряный вызлаченный венец» [2]. Сюжетный эпизод об основании Успенского монастыря после передачи чудотворной иконы Успения, является типичным для древнерусской письменной традиции. Он восходит к сюжету Киево-Печерского патерика, когда икона «Успение», явленная самой Богородицею во Влахернской церкви Константинополя, была доставлена зодчими в Киев и передана основателям монастыря Антонию и его ученику Феодосию как благословение на строительство Успенского монастырского храма. Так в орловской легенде совпадают и имена последних игуменов Богоявленского монастыря (мотив благословения иконой строительства). Г.М.Пясецкий, изучивший «Синодик Успенского монастыря» отмечали, что игумены Антоний и Феодосий действительно были последними управляющими старым монастырем, до его переноса о. Евфимием на Ввозную гору. Но эти игумены не правили в одно время, а лишь поочередно. Действительно, в списке игуменов из Синодика орловского Успенского монастыря (Герман, Галактион, Корнилий, Сосипатр, Иов, Феодосий, Антоний), заведенного между 1701 и 1706 гг., игумен Богоявленского монастыря Феодосий правил перед Антонием [10]. Мотив соправления орловских игуменов Антония и Феодосия и их совместный дар в новую обитель мог быть заимствован из текста Киево-Печерского Патерика. Упоминание имен святых основателей Киевского монастыря в орловском тексте воспринимается как благодатное освящение новой обители в Орле, исходящая от образов первых русских монашествующих, прославленных еще в Киеве. Интересен тот факт, что крупными размерами и вертикальным форматом (175x137 см) орловская икона не была сопоставима с известной киевской святыней горизонтального формата (27x40 см) [11]. Исходя из крупных размеров, это мог быть список с известного московского образа «Успение Богородицы» XV в. (179x164 см), выполненного предположительно для главного иконостаса нового Успенского собора в 1475—1479 гг., сохранявшаяся в Кремле. Вероятнее всего, орловский список имеет большее сходства по формату с вытянутыми по вертикали иконами «Успение Богородицы с клеймами на сюжет Сказания об Успении Богородицы», письма мастеров Оружейной палаты, в частности, иконы 1658 г., выполненной для кремлевского Успенского собора [12]. Подобные списки могли быть привезены в числе прочих икон из Москвы в качестве царского дара во второй половине XVII в. В легенде об орловской иконе Успения Богородицы мы встречаем мотив огненной стихии, мотив дарения, мотив переноса святыни на новое место и благословение его.

С настоятельницей другого орловского монастыря (Введенского девичьего) связана устная легенда о иконе: «От времени игуменьи Евдокии сохраняется икона Введения во храм Пресвятой Богородицы, принесенная, по преданию, из Карачева при самом заведении монастыря» [7]. Известно, что оригинальная икона Введения во храм, с которой был вероятно выполнен орловский список, была местночтимой в Карачевском Введенском монастыре. Поэтому связь орловской иконы с Карачевом свидетельствовала в народном сознании о преемственности между обителями края [13].

Для XIX в. характерны рассказы, включающие мотив единовременного дара святыни, перешедшим в ее почитание. Это многочисленные краткие упоминания о святынях, которые записаны в церковных документах (монастырских синодиках, церковных летописях). Таково повествование о кресте из Ахтырского собора: «Чтимая икона...— Животворящий крест Господень с частицами мощей многих святых. Устроен он, как значится в надписи, хранящейся в церкви, по обещанию калужанином Иваном Стефановым, сыном Казьминим в 1526 г., в церкви же он находится около 100 лет. Продольная сторона сего креста равна 14 вершкам, поперечная же — 8 вершков. Крест сей вложен в икону, на которой изображены две иконы Божией Матери, святые: Коно, Мамонт, Василий, Николай Чудотворец, Марон, Сиселий, Архангел Михаил, Иоанн, Аверкий, Антипа, Харлампий, Феоктист, Филипп, Мартир и Собор Пресвятой Богородицы (риза на сей иконе и самый крест из серебра)». Мотив дара в церковь Иоанна Крестителя иконы Богородицы Владимирской, которая числилась в числе «святынь храма», о которой известно, что она «древнего письма. Икона была подарена церкви надворным советником Александром Ильичем Иониним. ...Кроме этой иконы, как особая святыня имеется в церкви икона Божией Матери «Достойно есть», привезенная гражданами г. Орла в 1900 г. со Святой горы Афонской» [2]. Мотив дара в новую часовню (Никольскую) Орловского Успенского монастыря в 1693 г.

жертвователем, о чем записано было в монастырском синодике при архимандрите Евфимии: «резной образ [Распятие Христово или Николы Можайского ратного: М.Комова] поставлен в киоте в каменной монастырской часовне (жертва думного дворянина Никиты Ивановича Акинфова, впоследствии окольного, его дар — икона в монастырской часовне для чтения панихид» [10].

**Мотив чудесного заступления (исцеления, спасения от пожара, спасения от грабежа).** Мотив чудесного исцеления наиболее типичен для орловских рассказов о святынях. В Так, с конца XVIII в. стали фиксироваться чудеса от иконы Ахтырской Богоматери после первого исцеления купца Петухова. Первоначально легенда об одном из ранних списков прославленной исцелениями в Ахтырке иконы была записана в Ахтырской церкви г. Орла, в который икона была вложена. Известно из рассказа, что в 1773 г. орловский купец Константин Семенович Пастухов, занимавшийся торговлей лошадьми в г. Ахтырке (Харьковская губерния), получил исцеление от многолетней болезни по молитве перед чудотворной Ахтырской иконой Богоматери. Вернувшись в Орел, купец обратился к епархиальному начальству за благословением на постройку каменной Ахтырской церкви на Пятницком погосте. В благодарность за выздоровление Пастухов в 1775 г. возвел церковь, передав в нее список чтимого Ахтырского образа Богоматери [13]. Мотив излечения страждущего в 1875 г. после обета написать икону св. Пантелеимона в Троице-Сергиевой Лавре и передать в орловскую церковь Обновления Храма Воскресения Христова [2]. Мотив дара после исцеления в Троице-Васильевскую церковь иконы св. Тихона Калужского. «О происхождении этой иконы орловская купеческая жена Лидия Васильевна Машерова письменно сообщила (подлинно)... В 1887 году муж был болен душевно, искупался в Калуге в источнике — выздоровел вскоре... пожелал купить образ св. Тихона и пожертвовать в церковь Василия Великого, где венчались». Мотив чуда исцеления болящей в 1890-х гг. от иконы Богоматери Млекопитательницы, «копии иконы, выписанной и освященной на Афоне, живописной, на кипарисовой доске», находившейся в Троице-Васильевском храме [2].

**Мотив водной стихии (берег реки, озера, у источника).** Мотив водной стихии, связанный с древнейшими фольклорными представлениями о преобразовании пространства часто встречается в легендарных сказаниях о явлении икон. Как правильно отмечает М.В.Антонова: «эти образы вкупе (вода и икона) символизируют возрождение и очищение... Мотив водной стихии чрезвычайно устойчив в русской православной традиции применительно к повествованиям о чудотворных иконах» [6]. Этот мотив выявляется в рассказе об орловской иконе из орловского соборного Петропавловского храма, которая выделена «из икон чтимых [как] замечательная икона Божией матери, именуемая «Живоносный источник», но когда, кем и при каких обстоятельствах принесена она была в дар собору, об этом в архиве соборном не имеется никаких сведений. Сохранилось только предание, рассказанное пишущему это бывшим кафедральным протоиереем П. Помидоровым, что икона эта впервые будто бы объявилась в районе Успенской (Архангельской) города Орла церкви у какого-то колодезя и с того места, по распоряжению епархиального начальства, принесена в собор» [2]. Списки иконы Богоматери «Живоносный источник», известной византийской святыни, до XVII в. редко встречались на Руси. Они распространились в Центральной России позднее, благодаря царским дарам для украшения храмов. Немало икон «Живоносный источник» появилось в середине XVII в. после издания т.н. Триодиона (Цветной Триоди), богослужебной книги, содержащей трехпесенные каноны и иллюстрированной иконами греческого образца [14]. Поэтому список иконы мог появиться в Орле не ранее второй половины XVII в., а позднее возникла устная легенда. Мотив явления иконы на колодезе часто фиксировался в краеведческих записях в Орловской губернии. Но указанная легенда из Орла не получила законченной формы, т.к. в нем показано явление иконы, но не дана связь явления с построением церкви Успения в середине XVII в., у места основания которой «на колодезе», вероятно, явилась икона. Явление иконы у реки, у колодца — мотив, который часто встречается в местных орловских рассказах в Новое время [15].

**Мотив огненной стихии.** К устойчивым сюжетно-повествовательным мотивам, не отмеченным М.В.Антоновой, но встречающимся в региональных преданиях о постройке храмов на месте, указанном иконами, добавим мотив огненной стихии... [6]. Мотив огня и чудесного спасения иконы часто встречается в орловских легендах из-за частых городских пожаров. В Орловских епархиальных ведомостях часто описывались события, которые в народной молве становились легендарными. Особо запомнились большие городские пожары, при которых сгорали церкви, но сохранялись некоторые иконы, при обращении к которым останавливался огонь. В рассказе о легендарном спасении в 1841 г. икон Богоявленского храма указывается, что «успели вынести св. иконы, ризницу, книги, церковную утварь», как проходил молебен перед древней Иверской иконой, которая была помещена на аналое, как затем «обошли крестным ходом вокруг храма и пожар прекратился [1].

Иконы сохранялись при пожаре, что приводило к их местному почитанию. Так сложился легендарный рассказ об иконах из Богоявленского храма Орла. Прихожане часто упоминали эти иконы не порознь, а вместе, называя их «Богоявленскими иконами»: «Названные св. Иконы Спаса и Богоматери, вместе с Иконами Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и Святителя Николая Чудотворца, таинственно-знаменательным образом поступили в Богоявленскую церковь на постоянное в ней пребывание из прежнего деревянного Гостиного Ряда, построенного в 1780 и 1781 годах.... Это было 30 апреля 1847 года, как раз пред тем ужасным пожаром, который испепелил прежний Гостиный Ряд, а находившиеся в нем до того времени св. Иконы Промыслу Божию угодно было сохранить от истребления пожаром в Богоявленской церкви. И именно, пред самым пожаром некто неизвестный заявил в Богоявленской церкви: «принесите сюда из Гостиного Ряда



тамошние св. Иконы, — они тут будут нужны». Сказав это, неизвестный скрылся. Иконы были принесены в церковь, и тут ожидали, что оный неизвестный человек придет сюда для молебна пред теми Иконами; но он более не появлялся в церкви, что всех немало удивило, и не знали, и понять не могли, для чего это были перенесены из Гостиного Ряда иконы в церковь. И лишь только после того, когда вскорости вслед за сим произошел в Гостином Ряду ужасный пожар, все, как говорится, дотла испепеливший, поняли, почему были перенесены из угрожаемого пожаром Ряда св. Иконы в церковь... Но кто же был тот таинственный незнакомец?... Уж не сам ли Святитель Христов Николай, икона которого, как мы сказали, была в числе тех 4-х святых Икон, а другая, очень большая и весьма древняя, помещается, как «местная», посредине между Иконами Спаса Нерукотворенного Убруса и двумя Иконами Божией Матери «Всех скорбящих Радости» в Скорбященском приделе, бывшем раньше Николаевском» [16].

Наиболее развитым комплексом мотивов отличается сказание об иконе Богоматери Балыкинской, почитаемой в городе Орле. Речь идет об орловском списке с оригинала, который был прославлен в Стародубском уезде в 1711 г. и вложен в Никольский храм с. Балыкино, и которого было сделано много региональных списков. В 1870 г. архиепископ Макарий Орловский в своей речи, произнесенной в Орловском Введенском монастыре, отметил, что ««подлинная Балыкинская чудотворная Божией Матери находится икона с 1711 г. в селе Балыкине Стародубского уезда Черниговской губернии. Список с сей иконы приложен в Орловский девичий монастырь одним из Настоятелей бывшего Орловского Успенского монастыря, обращенного в Архиерейский дом, а в 1858 году прославлен чудотворением над бесноватою женщиною и с тех пор почитается в городе Орле и его окрестностях, как образ чудотворный, являя различные знамения над прибегающими к нему в болезнях и скорбях» [17]. Также в Орле сохранялась устная легенда, зафиксированная позднее в 1911 г. в Орловских епархиальных ведомостях, о том, как сам митрополит Тобольский Иоанн (Максимович), в прошлом архиепископ Черниговский, подарил в 1712 г. Орловскому девичьему монастырю список с оригинальной иконы из с. Балыкино [18]. В источнике 1870 г. не указывается конкретного имени дарителя и времени дарения, а владыка Иоанн Максимович (с января 1711 г. митрополит Тобольский) в 1712 г. уже не мог руководить монастырем в иной, не подведомственной ему епархии. Кроме того, в 1712 г. Успенский монастырь управлялся игуменом Евфимией, получивший звание в 1684 г., еще в 1719 г. встречавшийся в документах как ее настоятель [19]. Отметим, что сохранившаяся крупноформатная икона в Орловском Введенском монастыре, считается той самой иконой Богоматери Балыкинской, перед которой произошли первые орловские исцеления 1858 г. Она датируется первой четвертью XIX в. и вполне могла быть подарена последним настоятелем Успенского монастыря, переустроенного в Архиерейский дом в 1818—1824 гг. [13]. Именно от этого списка стали фиксироваться исцеления горожан, а «с 1858 г. установлено празднование по случаю исцеления одной бесноватой девицы после отслужения молебна с акафистом, [о чем] имелась документальная запись и тогда же украшена была драгоценною ризою и поставлена в киоте с разрешения епархиального начальства (Указ Орловской консистории от 27 сентября 1860 г. за № 6537)».

В последней трети XIX в. заметно существенное увеличение монастырских рассказов о чудесах от иконы. Повествование о передаче орловского списка Балыкинской иконы в начале XVIII в. можно воспринимать как легендарное. Мотив передачи знаменитого образа возрождаемому монастырю «в молитвенное благословение» через монахинь-паломниц, путешествовавших из Орла в Киев, можно считать традиционным и устойчивым. Следующие сюжетные эпизоды, включенные в сказание об иконе Богоматери Балыкинской из Орла, мы также можем отнести к традиционным. В период 1859—1912 гг. Балыкинская икона совершает множественные исцеления; спасает «от злых людей», посягнувших на имущество обители в марте 1873 г., но благодаря заступничеству Богоматери «через Балыкинский свой образ», когда сестры только удалились отдохнуть после вечернего правила и прочтения акафиста [7]; от «огненной стихии», после того, как икону поднесли к месту монастырского пожара, исцеляет бесноватую девицу-цыганку после ее троекратного обращения к Богоматери; Богоматерь является во сне больной Параскеве Крупецкой, повелевая перенести Ее икону в свой дом и отслужить молебен; в сонном видении скорбящей Евдокии Ударенковой, Богоматерь на вопрос, где она живет и кто она такая, отвечает: «живу я в Орловском девичьем монастыре, а зовут меня Балыкинская Божия Матерь», Богородица является Евдокии вторично и призывает к покаянию, т.к. та после пожара, унесшего все ее имущество, впадает в еще большую тоску; образ Богоматери останавливает эпидемию холеры в с. Лепешкино [18].

Городские легенды города Орла являются вполне типичными памятниками Нового времени, возникающими в церковной среде. Архаичный язык изложения, внимание к бытовым и историческим деталям, включение в состав текстов фрагментов записей синодиков, церковных сказок, изустных рассказов очевидцев, в сущности, за небольшим исключением ничего не меняют в структуре традиционных русских повествований о чудесах от икон [20]. Перечисленные в исследовании мотивы, включенные в сюжетное повествование, являются общерусскими. Но следует обратить внимание, что в городских легендах об иконах, в отличие от сельских рассказов, встречается значительно меньше мотивов явления иконы в лесу, на горе, на древе, на пашне. Чаще встречается мотив передачи святыни конкретным лицом в качестве благословения нового монастыря / храма, и реже чудесное обретение иконы (например, на колодце), в чем сказывалась большая доступность исторической информации для автора-горожанина. Отметим, что и в наши дни городские легенды о чудотворных иконах продолжают записываться по сценарию, разработанному в Новое время.

1. Орловские епархиальные ведомости. 1865. № 2. С. 69-74, 11-115.
2. Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Орел, 1901. 224 с. С. 25-26, 43, 77, 86, 92, 96, 101, 106.
3. Пясецкий Г.М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899. 1066 с. С. 25-26.
4. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903. Историческое и географическое описание о городе Орле и уезде. 1787 год.
5. Орловские епархиальные ведомости. 1868. № 23. С. 1865-1866.
6. Антонова М.В. Сказания об основании монастырей в региональной и устной традиции: система мотивов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6(69). С. 89-91.
7. Пясецкий Г.М. Исторические очерки Орловского Введенского девичьего монастыря. Орел, 1896. 160 с. С. 14, 75, 153, 157.
8. Кириллин В.М. Повесть о чудотворной Казанской иконе Богоматери в свете древнерусской литературной традиции // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 1. С. 150-183.
9. Антонова М.В., Комова М.А. Проблемы текстологии «Сказания о зачатии Свенского монастыря» // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 185-187.
10. Пясецкий Г.П. Исторические очерки города Орла // Орловские епархиальные ведомости. 1873. № 5. С. 259-260, 275.
11. Ковтырева Л.В. Сокровищница Третьяковской галереи. М., 2014. 48 с. С. 8, 10.
12. Смирнова Э.С. Московская икона XIV—XVII веков. М., 1991. 319 с. Кат. 124, 127, 194, 195. С. 285, 307.
13. Комова М. Иконное наследие Орловского края. М., 2012. 512 с. С. 272-276.
14. Образ Богородицы: Иконы XVI — начала XX века. М.: Государственный Исторический музей, 2012. 103 с. С. 47-49.
15. Антонова М.В., Комова М.А. «Сказание о Николe Мценском»: филологический и текстологический анализ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 1. С. 97-99.
16. Ливанский И., протоиерей. О чудотворной иконе «Всех скорбящих радости» в Богоявленской города Орла церкви. Орел, 1912. 32 с. С. 5-17.
17. Орловские епархиальные ведомости. 1870. № 16. С. 1044.
18. Орловские епархиальные ведомости. 1911. № 27. С. 781-786.
19. История Орловского Успенского мужского монастыря. Орел, 2001. 110 с. С. 8-13.
20. Комова М.А. Жанровая специфика сказаний о чудотворных иконах Верхнеокского региона (в рамках Орловской губернии) // Жизнь провинции: история и современность: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижегородский государственный университет имени Н.И.Лобачевского. 2015. С. 209-216.

#### References

1. Orlovskie eparhial'nye vedomosti [Oryol diocesan bulletin], 1865, no. 2, pp. 69-74, 11-115.
2. Opisanie cerkvej, prihodov i monastyrej Orlovskoj eparhii [Description of churches, parishes and monasteries of the Oryol diocese]. Orel, 1901, pp. 25-26, 43, 77, 86, 92, 96, 101, 106.
3. Pyaseckiy G.M. Istoriya Orlovskoj eparhii i opisanie cerkvej, prihodov i monastyrej [The history of the Orel diocese and the description of churches, parishes and monasteries]. Orel, 1899, pp. 25-26.
4. RGVIA. F. VUA. D. 18903. Istoricheskoe i geograficheskoe opisanie o gorode Orle i uезде [Historical and geographical description of the city of Orel and the county], 1787.
5. Orlovskie eparhial'nye vedomosti [Oryol diocesan bulletin], 1868, no. 23, pp. 1865-1866.
6. Antonova M.V. Skazaniya ob osnovanii monastyrej v regional'noj ustnoy i pis'mennoj tradicii: sistema motivov [Legends about the founding of monasteries in regional oral and written traditions: the system of motives]. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no. 6 (69), pp. 89-91.
7. Pyaseckiy G.M. Istoricheskie ocherki Orlovskogo Vvedenskogo devich'ego monastyrya [Historical sketches of the Oryol Vvedensky monastery]. Orel, 1896, pp. 14, 75, 153, 157.
8. Kirillin V.M. Povest' o chudotvornoy Kazanskoj ikone Bogomateri v svete drevnerusskoy literaturnoy tradicii [The history of the Kazan icon of the Mother of God in terms of the ancient Russian literary tradition]. Studia Litterarum, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 150-183.
9. Antonova, M.V., Komova, M.A. Problemy tekstologii "Skazaniya o zachatii Svenskogo monastyrya" [Challenges of textology of "The Legend of the conception of the Svensk Monastery"]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no.3, pp. 185-187.
10. Pyaseckiy G.P. Istoricheskie ocherki goroda Orla [Historical sketches of the city of Orel]. Orlovskie eparhial'nye vedomosti, 1873, no. 5, pp. 259-260, 275.
11. Kovtyreva L.V. Sokrovishchnica Tret'yakovskoy galerei [Treasures of the Tretyakov Gallery]. Moscow, 2014, pp. 8, 10.
12. Smirnova E.S. Moskovskaya ikona XIV—XVII vekov [Moscow icon of the 14th—17th centuries]. Moscow, 1991. Cat. 124, 127, 194, 195, pp. 285, 307.
13. Komova M. Ikonnoe nasledie Orlovskogo kraja [Icon heritage of the Oryol region]. Moscow, 2012, pp.272-276.
14. Obraz Bogorodicy: Ikony XVI — nachala XX veka [The Image of the Virgin: Icons of the 16th — beginning of the 20th century]. Moscow, Gosudarstvennyj Istoricheskij muzey, 2012, pp. 47-49.
15. Antonova M.V., Komova M.A. Skazanie o Nikole Mtsenskom: filologicheskij i tekstologicheskij analiz [Story about Nikola Mtsensky: philological and text analysis]. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no. 1 (64), pp. 97-99.
16. Livanskiy I., protoierej. O chudotvornoj ikone „Vsekh skorbyashchih radosti“ v Bogoyavlenskoj goroda Orla cerkvi [About the miraculous icon of the Joy of All Who Sorrow in the Church of the Epiphany in the city of Orel]. Orel, 1912, pp. 5-17.
17. Orlovskie eparhial'nye vedomosti [Oryol diocesan bulletin], 1870, no. 16, p. 1044.
18. Orlovskie eparhial'nye vedomosti [Oryol diocesan bulletin], 1911, no. 27, pp. 781-786.
19. Istoriya Orlovskogo Uspenskogo muzhskogo monastyrya [History of the Holy Assumption Monastery]. Orel, 2001, pp. 8-13.
20. Komova M.A. Zhanrovaya specifika skazaniy o chudotvornyh ikonah Verhneokskogo regiona (v ramkah Orlovskoy gubernii) [Genre-specific tales of miraculous icons of High Oka region (in the framework of the Oryol province)]. Zhizn' provincii: istoriya i sovremennost': Sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Proc. Of Int. Conf. "The provincial Life: yesterday and today"]. Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet imeni N.I.Lobachevskogo, 2015, pp. 209-216.

**Komova M.A., Fandeeva S.V., Chicherov K.A. Urban legends about the relics of Oryol the XVIII—XIX centuries: historical context and traditional narrative toposes.** The material of the study is the regional literary and local history works published in Orel in the XVIII—XIX centuries. The relevance of the research is determined by increased interest in the history of the Russian Orthodoxy and the phenomenon of spiritual literary tradition in general. The study based on literary material of regional studies of XIX century in the Central region of Russia about locally venerated relics allows one to create a model of their origin and functioning and gives an opportunity to broaden our views on the regional literary text and spiritual context, and also to deepen philological knowledge of literary process of XVIII—XIX centuries. This article discusses sustainable the stories about the relics (worship crosses, icons). The main motives are a "living icon", stopover, water, wood, and healing, which are popular in this region and around Russia as well.

**Keywords:** urban legend about icons, oral tradition, motive, icon.

Сведения об авторах: М.А.Комова — кандидат искусствоведения, доцент кафедры религиоведения и теологии, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (ОГУ), mariamna.orel@mail.ru; С.В.Фандеева — художник-дизайнер, магистрант теологии, кафедра теологии и религиоведения философского факультета Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (ОГУ), kstudio@list.ru; К.А.Чичеров — художник-монументалист, член ВТОО «Союз художников России», магистрант теологии, кафедра теологии и религиоведения философского факультета Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (ОГУ), kstudio@list.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.05.2018.